

НУ!» 16 июня 1982 года 3 стр.

18 июня исполняется 170 лет со дня рождения выдающегося русского писателя Ивана Александровича Гончарова (1812—1891), автора всемирно прославленных романов «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв».

В дружеских отношениях с Гончаровым был Алексей Николаевич Плещеев — известный русский поэт, прозаик, драматург, который вместе с Владимиром Ивановичем Далем и Владимиром Федоровичем Одоевским является одним из инициаторов создания жизнеописаний великих деятелей.

В предлагаемом читателям отрывке из книги Николая Кузина «Плещеев» (она готовится в печать в издательстве «Молодая гвардия») рассказывается о встрече-беседе Гончарова и Плещеева, беседе, затрагивающей проблему биографического жанра в литературе.

Николай КУЗИН

ИСТОРИЯ ОДНОЙ БЕСЕДЫ

(К 170-летию И. А. Гончарова)

Вот и опять мы, как
в прежние годы,
Старый товарищ, беседу
ведем,
И прожитые когда-то
невзгоды

Смутным каким-то нам
кажутся сном.

А. Плещеев. «Старики».

1873 год выдался не совсем благоприятным для воплощения многих замыслов А. Н. Плещеева. Почти все члены редакции «Отечественных записок» разъехались (Некрасов — в Чудово, а потом за границу, Салтыков — в свое подмосковное имение, почувствовав недомогание, грозившее обернуться затяжной болезнью, Елисейев — за границу), и вся тяжесть работы по редакции легла на плечи Скабичевского и Алексея Николаевича. «Теперь только я и Скабичевский орудуем здесь», — сообщает поэт в письме А. М. Жемчужникову. Ясно, что в таких условиях не было или почти не было возможности отдаться творчеству. Кое-что удавалось все же сделать и в этот период: извлечения из романа Э. Золя «Чрево Парижа», монографическое исследование о Прудоне, которое было опубликовано в одиннадцатой книжке «Отечественных записок» и удостоилось похвального отзыва такого строгого читателя, как Иван Гончаров.

Автор «Обломова», встретив Плещеева на Невском, к удивлению Алексея Николаевича, первый заговорил о нужности и полезности плещеевского труда, отметил безыскусность, живость слога, точность и объективность изложения жизненных перипетий французского философа и экономиста.

— И самое замечательное, Алексей Николаевич, в вашем сочинении то, что Прудона видишь очень живым человеком, всегда осторожным и в то же время непреклонным в своих реформаторских устремлениях, — Иван Александрович задумчиво поглядывал на прохожих, словно бы выискивая среди них поклонников и приверженцев идей Прудона. Но Плещеев знал, что Гончаров столь внимательно оглядывал публику только «для себя», знал, что правый глаз Ивана Александровича совсем «вышел из строя», поэтом напряженность гончаровского взгляда и производила впечатление задумчивости.

«И все же этот шестидесятилетний старик держится молодцом», — Плещеев окинул тучноватую и коренастую фигуру Гончарова, и ему живо представилась первая встреча с автором «Обломова» более четверти века назад на квартире у Майковых, где Иван Александрович был введомашного учителя словесности Аполлона и Валериана. — А знаете, Иван Александрович, когда я корпел над «Жизнью и перепиской Прудона», то часто обращался мысленно к образу незабвенного Валериана Майкова — вашего ученика и одного из лучших друзей моей юности. Мне почему-то казалось, что по психологическому складу Валериан и Прудон в чем-то родственны — меня даже это чуть поразило, когда я изучал переписку Прудона с родственниками.

— Я не настолько хорошо знаком с эпистолярным наследием Прудона, чтобы делать какие-то обобщения, но никак не могу согласиться с вами относительно «родства» Валериана Майкова и Прудона, — Гончаров резко векинул крупную голову, улыбнулся и добавил:

— Валериан был прежде всего литературный критик и критик высшего разряда, он жил в мире искусства, а Прудон — все-таки публицист — резонер, хотя и превосходный экономист — реформатор.

— Да и Майков был пре-

восходным экономистом, но я, Иван Александрович, имел в виду совсем другое, когда сказал о некотором психологическом родстве Валериана и Прудона, я имел в виду напор страсти, одержимости в отстаивании принципов. — Плещеева озадачило, что Гончаров вроде бы отделяет Валериана Майкова — общественного идеолога от Майкова — литературного критика.

Для «вечного» идеалиста Плещеева, познакомившегося с азбукой социалистических учений в кружке Петрашевского как раз под непосредственным влиянием Майкова, последний остался и замечательным «пропагандистом» утопических идей социализма, идей, которые играли немалую роль и в сочинениях Прудона, с которыми петрашевцы были хорошо знакомы. Но для творца образов первых деловых российских «реформаторов» (Петра Адуева и Штольца) утопический социализм представлялся наивным прожектерством. Поэтому то, что вызывало в душе Плещеева восторженный трепет, Гончарова по-настоящему никогда не волновало, точнее сказать, Иван Александрович был достаточно трезвым практиком, чтобы избежать утопических грехов, сколь бы прекрасными они ни оказались иным неисправимым мечтателям.

Увлеченные и по-молодому возбужденные, Гончаров и Плещеев еще долго продолжали беседу, прогуливаясь по Невскому, и это, пожалуй, была самая продолжительная их встреча с глазу на глаз за четвертьвековое знакомство. Иван Александрович, между прочим, заметил, возвращаясь к плещеевской работе о Прудоне, что она является по существу чуть ли не первым добротным жизнеописанием выдающегося человека, написанная русским литератором, и посетовал на то, что заветы Пушкина, начинания Владимира Даля и Владимира Одоевского по созданию биографий лучших людей России все еще не получили должного резонанса в писательской среде.

— Вот и вы, Алексей Николаевич, взялись за Прудона, а ведь и в нашем Отечестве есть немало славных мужей, достойных, чтобы об их деяниях писались книги. Только, ради бога, не сердитесь на старика и правильно поймите мое ворчание. А биографию Прудона, еще раз скажу, вы написали дельную и нужную, — Гончаров говорил это, ласково улыбаясь, и Плещеев понимал, что Иван Александрович хвалит его сочинение не ради любезности...

Дома, в своем рабочем кабинете, Алексей Николаевич неоднократно возвращался мыслью к гончаровскому замечанию о невыполнении русскими литераторами заветов Пушкина.

«А ведь старик очень и очень прав. В неоплатном мы пока долгу перед своими великими соотечественниками. Например, тот же Грибоедов, о бессмертной комедии которого Иван Александрович опубликовал недавно в «Вестнике Европы» превосходную статью*, разве его жизнь и деяния не достойный пример для потомков? А сколько еще замечательных подвижников русской земли, о которых мы имеем самые скудные и весьма поверхностные представления...», — Плещеев надолго задумался, вспоминая со всеми подробностями душесный разговор со старшим собратом по перу...

* Имеется в виду статья И. А. Гончарова «Милльон терзаний», посвященная комедии Грибоедова «Горе от ума» и опубликованная в третьей книжке «Вестника Европы» за 1872 г.